

RU

Образ дома и мотив бесприютности в творчестве В. Борхерта

Анисимова А. Н., Ефремова Ю. И.

Аннотация. Цель исследования – выявить специфику образа дома и мотива бездомности, а также изобразительно-выразительные средства их реализации в коротких рассказах известного немецкого писателя Вольфганга Борхерта (1921-1947). Научная новизна работы заключается в том, что впервые в отечественном литературоведении творчество немецкого писателя рассматривается в контексте оппозиции «дом/бездомность», что может помочь дальнейшему освоению его творческого наследия. Полученные результаты показали, что образ дома связан с пустотой, утратой, смертью, холодом и одиночеством. Даже при наличии дома он, в основном, является перевалочным пунктом для главных героев, они ощущают свою душевную и духовную бесприютность. Основные функции топоса дома связаны с раскрытием образа героя, выявлением его утопической модели мира, сакрального места, именования, что способствует реализации мотива бесприютности, коррелирующего с трагическими мотивами одиночества и странничества. Ведущими изобразительно-выразительными средствами рассказов немецкого писателя являются повтор, детали-символы, приемы парцелляции и обезличивания, олицетворение, внутренняя речь, подтекст, колористика и звукопись.

EN

The image of home and the motif of homelessness
in the works of W. Borchert

A. N. Anisimova, Y. I. Efremova

Abstract. The aim of the study is to identify the specifics of the image of home and the motif of homelessness, as well as the expressive means of their realization in short stories by the well-known German writer Wolfgang Borchert (1921-1947). The scientific novelty of the work lies in the fact that, for the first time in Russian literary studies, the work of the German writer is examined in the context of the opposition "home/homelessness", which may help further exploration of his creative heritage. The results obtained showed that the image of home is associated with emptiness, loss, death, cold, and loneliness. Even when a home is present, it is mainly a transit point for the main characters, who feel their emotional and spiritual homelessness. The main functions of the topos of home are related to revealing the image of the hero, identifying his utopian model of the world, a sacred place, naming, which contributes to the realization of the motif of homelessness, correlating with the tragic motifs of loneliness and wandering. The leading expressive means in the stories of the German writer are repetition, symbol-details, techniques of parcellation and depersonalization, personification, inner speech, subtext, coloristics, and sound writing.

Введение

Актуальность работы объясняется, во-первых, непреходящим значением творчества Вольфганга Борхерта в истории немецкой литературы XX века. Так, в предисловии к юбилейному изданию (в 2021 году исполнилось 100 лет со дня рождения писателя, а в 2022 году – 75 лет со дня его смерти) ежегодника общества В. Борхерта (том 33/34 (2021/2022)) редакторы Ганс-Герд Винтер и Бернд Краске (Winter, Kraske, 2022) очертили круг тем, которые исследуются в связи с его жизнью и творчеством (вина немцев в разжигании Второй мировой войны и преследовании евреев, рецензии на фильмы, снятые Михаэлем Блумом по рассказам автора). Указывая на интерес к творчеству Борхерта в наши дни, издатели отмечают выставки, на которых представлены рукописи неизвестных стихотворений автора, эскизы и картины. Во-вторых, образ дома и мотив бесприютности в коротких рассказах писателя не только осмысливается как одна из важных современных общественных проблем, но и помогает решать общие морально-эстетические вопросы, размышляя о роли и месте человека в этом мире. В связи с этим возникает необходимость изучения рассказов немецкого писателя, который в яркой и лаконичной форме описал трагические последствия войны для гражданского населения и участников военных событий, их состояние душевной бесприютности.

Объектом изучения являются такие аспекты художественного мира исследуемых произведений, как топос дома и мотив неприютности, изобразительно-выразительные средства, предметом – рассказы В. Борхерта.

Для достижения вышеуказанной цели мы ставим перед собой следующие задачи: проанализировать топос дома и его функции; рассмотреть мотив неприютности в рассказах писателя; описать изобразительные средства выражения топоса дома и мотива неприютности исследуемых произведений.

Ключевыми методами настоящего исследования являются приемы мотивного анализа (при описании мотивов), герменевтико-интерпретационный (позволивший интерпретировать тексты произведений, а именно, контекстуально рассмотреть художественно-изобразительный ресурс образа дома и мотива неприютности); сравнительно-исторический (при выявлении особенности перевода произведений).

Теоретическую базу статьи составили труды в области теории мотива (Веселовский, 1940; Силантьев, 2004), работы, посвященные изучению личности и творчества В. Борхерта (Rühmkorf, 1996; Kraske, 2022). Е. А. Кешокова (2024) описывает основные характеристики творческого метода автора и определяет функционально-стилистические принципы его поэтики. И. Г. Черненко (2008), Л. В. Балакина (2019) рассматривают стилистические возможности цветообозначений в коротких рассказах писателя. Н. И. Платицына (2009) и Е. С. Калдаева (2021) обращаются к темам «человек/война», «вина/ответственность», показывая явно выраженную антифашистскую позицию В. Борхерта, А. А. Глазунова (2019) анализирует образ женщины и определяет его место в символической системе рассказов немецкого прозаика.

Материалом исследования послужили следующие источники:

- Борхерт В. Избранное. М.: Художественная литература, 1977;
- Borchert W. Das Gesamtwerk / hrsg. von M. Töteberg, I. Schindler. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Verlag, 2013.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования материалов в преподавании курсов по зарубежной литературе XX века, а также при подготовке спецкурсов, посвященных изучению художественного мира рассказов В. Борхерта.

Обсуждение и результаты

В коротких рассказах В. Борхерт, относимый разными исследователями то к литературе руин, то к экзистенциализму, то к литературе часа ноль, то к поколению вернувшихся или немому поколению, обращается к актуальной для послевоенной Германии теме возвращения солдат с войны и их адаптации к жизни потерпевшего поражение государства, где разрушены не только города, но и сокровища души, традиционные ценности – любовь, семейные отношения. Дом, воплощавший связь живых и мертвых, являвшийся воплощением мира, родины, нации, оказался пустым или разрушенным, а то и занятым чужими людьми – равнодушными и жестокими. Несмотря на то, что за свою короткую творческую жизнь В. Борхерт написал всего 57 небольших рассказов и эссе, пьесу «На улице перед дверью», несколько стихотворений, он стал знаменем послевоенного поколения, оказав влияние на целое поколение немецких писателей. В своем творчестве Борхерт продолжает традицию изображения маленького человека с тихим голосом, чувствующего трагедию своей неприютности.

В рассказе «Останься, жираф» («Bleib doch, Giraffe») мотив неприютности связан с образом вокзала как перевалочного пункта между разрушительным военным прошлым, темным настоящим и неизвестным будущим, в которое уходит герой, покидая дом молодой немки. Она так же одинока, как и ее клиент, которому она дала кличку жираф. Мотив одиночества связан с мотивом неприютности – одиноки герои, одиночество наполняет и перрон вокзала, и тьму, и дом девушки, и весь мир. Ее дом представлен отдельными частями – мертвыми окнами со стеклами, похожими на мертвые глаза рептилий, отяжелевшими занавесами, мяукающими створками. Несмотря на то, что дом у героини есть, он пуст, а мир за его стенами – мир холода и тьмы. Герой тем не менее покидает его и предпочитает путь в неизвестность – в поисках своего приюта и своей судьбы, – будучи отягощенным воспоминаниями о войне, кровопролитии и чувством вины.

Стиль данного рассказа В. Борхерта исключительно живописен. Автор использует все возможности звуко- и цветописи. Примечательно, что оттенков при описании как героев, так и мира немного: героиня связана с ярко-красным, чересчур красным цветом ее губ и бледным, белым лицом, описываются также ее темные волосы, пахнущие, как влажные ветки. Герой представлен в восприятии девушки как существо мира фауны – жираф (но не по признаку наличия пятнистой бархатистой кожи, а по тому, что он худ и высок). Мир, в котором существуют герои, – это тьма, одиночество и пустота, перрон на вокзале, вымерший и бессмысленный, который воспринимается как конец света, идти дальше нет смысла, ты там пропадешь. При описании мира доминируют черный и серый цвета. Красными являются только губы девушки и цвет крови. Когда она упоминает о том, что может покраснеть, герой воспринимает это как пошлость, принимая во внимание способ ее добывания средств к существованию. Черный цвет представлен образами тьмы и ночи. Белые только фонари, и то они светят холодным светом.

Колористика является для В. Борхерта важным приемом, выражающим его философию мироощущения. Палитра писателя не отличается особым богатством красок, но она экспрессионистична и знакова, символична. Доминируют как в прозе, так и в лирике В. Борхерта серый и красный цвета. В рассказах «Останься, жираф», «Маргерит» и «Мимо, мимо» чрезмерно окрашенные губы девушек выделяются на их бледных серых лицах красным пятном; этот цвет связан с кровью, цветом колес поездов и крыш. Выбор этих цветов мы встречаем и в стихотворении «Das grauotgrüne Großstadtlid» («Пестрая песня большого города») из цикла «Фонари, ночь

и звезды – Стихотворения о Гамбурге»: «Красные рты, светящиеся от серых теней, вызывают сладкое головокружение. И луна золотисто-зеленым светом ухмыляется сквозь пелену тумана. Серые улицы, красные крыши, где-то посередине зеленый огонек. Серый камень и красная кровь – завтра утром все будет хорошо. Завтра над серым городом взметнется зеленый лист» (перевод выполнен авторами статьи. – А. А., Ю. Е.).

Гораздо богаче в рассказе «Останься, жираф» звуковые образы, роднящие его с эстетикой экспрессионизма, искусством крика (воющий сквозняк, страшный голос, животный крик паровоза, неслышанный рыбий крик, крик одинокого зверя, крик рокошет, бушует, шипит, смеется). «...во всех этих криках обретает голос неопределенная тоска (ohne Wohin) субъекта речи, границы между человеком, животным, птицей, паровозом, паровозом и другими вещами размываются, возникает ситуация поэтической неопределенности, отсутствия различий, а также неприютности, пустоты, бесцельности и – Heimweh, Gier – жажды как раз определенности, оседлости, упорядоченности, домашнего тепла, женской любви» (Рымарь, 2004, с. 248).

В рассказе «Мимо, мимо» (“Vorbei vorbei”) образ дома представлен отдельными деталями – это окно, дверь, дверная ручка, кровать. Фактически у героя нет дома, а сам он бежит в никуда, но и там не находит прибежища. Человек не ищет дома, он убегает от себя, от своих страхов, которые он воспринимает как зверей – это зверь-голод, зверь-тоска, зверь-страх. Обычно образ дома связывается с семьей, отцом и матерью, братьями и сестрами. В данном рассказе отец воспринимается героем как «худой серый человечек, становившийся все меньше и меньше» (Борхерт, 1977, с. 113), причем он находится не в доме, а стоит, как в драме, – “draussen” («снаружи, на улице»), «возле одной двери». И хотя он хвалит героя, он постепенно замолкает, а мать – далеко, скорее всего, она умерла или погибла, как брат, убитый случайным осколком. «И последний крик, который он прокричал, был не родина. Не мать и не бог. Последний крик был остер и горек, как укус: зря я пропал. Тихое проклятие и опять: зря» (Борхерт, 1977, с. 114). В рассказе перечисляются случайные связи героя, девушки, каждая со своими особенностями, но и они не являются прибежищем для него, это только остановки в ночи, на время ослабляющие ощущение тьмы и холода. Лейтмотив рассказа вынесен в заглавие – «мимо». Герой, даже встречаясь иногда с собой, все же «проходил мимо окон и кашлял мимо дверей» (Борхерт, 1977, с. 112). Герой сознательно избегает дома, вероятно, потому, что этот дом пуст – там нет семьи, уюта, любви. Иначе как объяснить восприятие отца как серого человечка – не исключено, что на него герой возлагает вину за разрушение своего дома, потерю матери и брата, втягивание страны в войну, что повлекло за собой тотальную неприютность.

Повтор является ведущим изобразительно-выразительным средством рассказа о поиске самоидентичности – «Иногда он встречался с самим собой» (Борхерт, 1977, с. 112). Из часто повторяющихся слов – зверь, мимо, удирать, девушка, бегство, удерживала, что-то, темнота, двери, ноги, старичок, крик – можно сделать вывод о сложности такого поиска, герой, ощущая мир как нечто враждебное, темное, испытывая разные виды фобий, не может даже отца и дверь своего дома воспринимать как нечто свое, все для него чужое, от чего он бежит в никуда, в пустоту. Внутренний диалог свидетельствует о том, что бегство бесполезно – нельзя убежать от себя, если внутри тебя живет и «Я», и «Другой», и оба ощущают неприютность (Фрадкин, 1962, с. 9). Девушки описываются автором, как и дом, с акцентом на отдельные части (прием парцелляции) – если при упоминании дома автор пишет о двери, дверной ручке, окнах, ключах, то при описании женщин в первую очередь называются волосы, губы, зубы, ноги, цвет кожи, белье, что свидетельствует о разорванности сознания героя рассказа и трагической невозможности восстановить свое целостное «Я».

В рассказе «Город» (“Die Stadt”) у запоздалого одинокого путника есть цель, к которой он неустанно стремится даже ночью, – дойти до родного Гамбурга, который ассоциируется у него с домом и светом. Путь его нелегок, он идет по рельсам, освещенным лунным светом и фонарем случайного попутчика. Город предстает светлым пятном на горизонте, а в памяти путника – самой жизнью, которую он связывает с запахами детства, но жить для него – это больше, чем просто «братся за ручку двери. Проходить мимо людей ночью, чувствуя капли дождя на волосах» (Борхерт, 1977, с. 113). Жизнь – это и страх, и радость, что можно идти дальше.

Мотив неприютности связан в рассказе с мотивом странничества и стремлением к родному дому в Гамбурге, от которого после ковровых бомбардировок авиацией Великобритании и США остались только груды камней. Дом есть у попутчика, к которому он тоже идет по рельсам с фонарем и уменьшает его свет на подходе к своему домику, стоящему у железнодорожного полотна, на отшибе, вдалеке от людей, об опасности встречи с которыми в Гамбурге предупреждает он путника. Возникает оппозиция – опасность – безопасность, разрушенный город – дом у дороги. Повторяющимися образами-символами являются в рассказе ночь, свет луны, фонарь, рельсы, рев паровоза. С мотивом дома связан образ дверной ручки, которая замещает понятие родины, выполняя сакральную функцию.

Название города повторяется в рассказе, состоящем из двух страниц, 6 раз, а в рассказе «Гамбург», который следует за «Городом», – 8 раз. Это эмоциональная песнь, содержащая преимущественно восклицания, перечисления существительных, означающих основы человеческой жизни, признание в любви к родному городу, пусть и состоящему из одних руин.

В рассказе «Стена» (“Die Mauer”) – это то, что осталось от дома, оберегавшего и защищавшего людей (сакральная функция), – «их колыбели, их свадьбы, их гробы» (Борхерт, 1977, с. 241) в разрушенном Гамбурге – то, что уцелело после бомбежки. Под влиянием ветра, который описан в диалектическом противоречии – как юный и старый, как мягкий и сильный, как мудрый и жестокий, – стена, осознавая свое одиночество, бесполезность и мертвенность, страдала от неблагодарности и предательства людей, которые казались ей внизу такими маленькими и бесполезными. Несмотря на подстрекательство ветра рухнуть на головы неблагодарных людей, она не хотела, чтобы кто-то пострадал, но ветер «дал пинка старой дряхлой стене» (Борхерт, 1977, с. 241), и она «грохнулась на улицу», придавив «пожилую женщину и двух детей, и молодого человека, который только

что вернулся домой с войны» (Борхерт, 1977, с. 241). В данном случае мы имеем дело с функцией разрушения относительно образа дома, но ведь и он был разрушен в результате войны. В рассказе встречаются такие тропы, как сравнение (*“Weise ist der Wind, denn er ist alt wie das Leben”* (Borchert, 2013, S. 373). / «Ветер мудрый, как мир»), олицетворение (*“der Wind lachte”* (Borchert, 2013, S. 373). / «Ветер смеялся»), метафора (*“Symphonie des Lebens”* / «Симфония жизни» – о ветре), контраст (ветер – стена дома). Для ветра, свободного и вечного странника, не нужен дом, ему противопоказан уют, он великий разрушитель, уничтожающий и стену, и людей.

В рассказе «Печальные герани» (*“Die traurigen Geranien”*) изображен дом женщины, считающей себя внутренне гармоничной и любящей симметрию, но внешность которой портит ее похожий на овощ нос с асимметричными ноздрями («Они и расположены-то совсем не симметрично! И вообще не гармонируют друг с дружкой. Одна ноздря узкая, овальная. А другая зияет бездонной дырой. Черной, круглой и таинственной» (Борхерт, 1977, с. 226)), заставляющий бежать от нее случайного ночного гостя. В ее квартире есть и скатерти, и пододушечники, тарелки и вилки, даже герани, симметрично расставленные на подоконнике, однако материальный достаток не может удержать мужчину, в памяти которого сразу же всплывает картина Пикассо (скорее всего, «Фермерша»). Как и в других рассказах В. Борхерта, появляются такие детали дома, как дверь, лестница и окно. При кажущемся наличии дома у героини, она ощущает неприютность, потому что нет мужчины, семьи, любви, гармонии, о которой она мечтает и которых не могут заменить ни белье, ни посуда, ни даже симметрично расставленные цветы. Дом выполняет функцию раскрытия образа героя. В рассказе присутствует подтекст, который реализуется за счет повторов (гармония, симметрия, нос) и демонстрирует внутреннюю неприютность героини. Внутренняя речь и диалоги способствуют выявлению контраста в эмоциональном состоянии героев, даже не имеющих имен, это просто он и она.

В рассказе «Под вечер» (*“Später Nachmittag”*) женщина тридцати семи лет живет в комнате, в которую ей хотелось бы пригласить молодого человека лет двадцати, спросившего у нее, как пройти на Катариненштрассе. Дом в данном произведении выполняет функцию характеристики героини – он, как и женщина, высокий, узкий и серый, в финале она сливается с ним в одно целое. Примечательно, что герои представлены автором, как нечто расплывчатое, неопределенное – мужчина – как светлое пятно (*der helle Fleck*), женщина – как пятно серое (*ein grauer Fleck*).

Бесприютность души женщины, даже имеющей жилье, связана с отсутствием семьи и любви, что объясняется, скорее всего, ее непривлекательностью и зрелым возрастом – у нее бесцветные студенистые глаза за толстыми стеклами очков, «водянистые... и тупые» (Борхерт, 1977, с. 228), как желе (*“wie Gelee, so doof, so wässrig”* (Borchert, 2013, S. 348)) (точка зрения героя): *“Verständnislos schwammen ihre blassen Augen hinter den dicken Brillengläsern hin und her. Wie in einem Aquarium”* (Borchert, 2013, S. 349). / «Бездумно плавали за темными стеклами очков. Как в аквариуме» (сравнение с животным миром) (это точка зрения автора).

Мотив отчуждения связан с образом испугавшейся женщины, которая не узнает своего голоса впервые за тридцать семь лет, сообщив прохожему, схватившему ее за плечи, что живет в комнате одна. Вероятно, все эти годы она была одинока и тактильный контакт с мужчиной так сильно повлиял на нее. Привычный голос возвращается к ней постепенно после того, как он отпустил ее и ушел в вечерний сумрак по направлению к той улице, которую искал. Его «спасибо» приглушенно звучит издали. Ее привычный голос, хотя она его не слышит, ни слова не говоря вслух, а лишь шепчет про себя, появляется у женщины после того, как она понимает, что ему ничего от нее не нужно, что она привычно и безнадежно одинока. В данном случае состояние бесприютности репрезентируется посредством звуковых образов.

Детали-символы – дверь и связка ключей – временами замещают понятие дома и сопровождаются звуковыми характеристиками – связка ключей в руках женщины звякает или хихикает, как человек над неудачной попыткой хотя бы на время покончить с одиночеством (прием олицетворения). Третьи повторяются характеристики дома, позвякивание и смех ключей, бесцветность глаз, замещение личности бездушным пятном. Таким образом, писатель одушевляет предметы и лишает людей их человеческой сущности, несмотря на то, что герои рассказа характеризуются путем использования внутренней речи – каждый из них шепчет про себя то, что не рискнул сказать вслух, – героиня разочарована тем, что не нужна мужчине как женщина, даже имеющая отдельную квартиру, а он – что она старая и страшная.

В рассказе «Маргерит» (*“Marguerite”*) главный герой – солдат, влюбленный в семнадцатилетнюю француженку, – лишается права на 4 недели ходить в увольнение, и девушка бросает его, считая трусом, не способным сбежать ради нее в самоволку. Герой живет в казарме, которая воспринимается им, как тюрьма, а у Маргерит хоть и есть комната, но она ощущается ею как перевалочный пункт, лишенный функций защиты, воспоминаний, сохранения семейных ценностей; после расставания с любовником она собирается зайти туда, только чтобы умыться, заново покраситься и покинуть ее в поисках нового парня. Дом связывается с функцией именования, но в рассказе В. Борхерта у героя нет ни дома, ни имени, есть только прозвище, данное француженкой – «мой маленький кочанчик» (Борхерт, 1977, с. 260). Маргерит, родившаяся в Лионе, презирая отца, вовсе не зная мать, предлагает любовнику, когда мир будет близок к гибели, снять комнату (несмотря на то, что у нее есть пристанище в городе, хотя его названия мы не знаем, известно лишь, что оно стоит на реке), чтобы там пить вино, слушать музыку, целоваться, а потом, открыв газ, умереть. Таким образом, дом связывается с местом смерти, демонстрируя трагическую сущность экзистенциального конфликта героев, ведь они поставлены в ситуацию, когда не в состоянии что-то изменить в мире: солдат, живущий в казарме, – часть оккупационной армии, француженка – представитель побежденной немцами нации. Они вынуждены подчиняться обстоятельствам, когда дом лишен функций сохранения семьи и защиты.

Герои рассказа бесприютны – они встречаются то в кафе, то в кино, то у реки. Именно река воспринимается солдатом как нечто одушевленное – это проявляется в присвоении ей человеческих качеств (персонификация): она чмокает (schmatzte) опоры моста, дышит, мчится под парусом (segelte mit der Nacht), болтает и хохочет (schwatzte und gluckste), обладает мышлением, сознанием, тайнами волшебства. Река как воплощение природного начала – истинный дом для солдата, воспринимаемый им как колыбель жизни и выполняющий функцию модели мира и сакрального места, – обретает черты идиллического топоса – *locus amoenus*, – что встречается в рассказах В. Борхерта крайне редко. Маргерит прошептала, что река пахнет любовью, солдат добавляет, что пахнет травой, водой, туманом, ночью, а еще и любимой девушкой. В их диалог вмешивается и река, одушевленная автором, – она тоже шепчет о том, что пахнет любовью. Однако любовь герои понимают по-разному – она, как кураж, смелость, нарушение всех запретов и границ, вплоть до совместного самоубийства, а он более реалистично и приземленно.

Если у героя нет имени, то у лейтенанта, который возмущился их поцелуем среди бела дня, нет лица, хотя «нос, рот, глаза – все было на месте, а лица не было. Но зато была красивая униформа, и он полагал, что мы не можем так вот, среди бела дня (это обстоятельство он особенно подчеркнул) целоваться на улице» (Борхерт, 1977, с. 258). Парцелляция, как и обезличивание (подчеркнутое замещение лица персонажа пятном, как в рассказе «Под вечер», отсутствие имени героя, как в большинстве рассказов В. Борхерта), – это те художественные приемы, которые способствуют раскрытию писателем мотива бесприютности. Примечательно, что для видимости соглашаясь с лейтенантом, герой рассказа проявляет лицемерие, в противоположность Маргерит, которая впадает в ярость (wütend) от попытки запретить ей выражать свои чувства. Солдат постоянно боится, что его уличат в связи с француженкой, что его поймут, если он перемахнет через забор и сбежит на свидание к любимой девушке. Он изображен автором как человек, привыкший подчиняться правилам и приказам.

В рассказе реализуется оппозиция я – другой, типичная для В. Борхерта и выражающая бесприютность души. Несмотря на то, что герои такие разные, солдата привлекает в Маргерит все «другое»: «Люблю твои волосы, люблю твой голос, когда ты говоришь: “Monpetitchou”. Люблю, как ты коверкаешь немецкие слова, люблю все чужое в тебе. И твои руки, Маргерит! И я подумал, что, быть может, потому завораживает нас очарование всего чужеземного, что нам приятно как бы заново открывать давно знакомое» (Борхерт, 1977, с. 258).

Таким образом, анализ рассказов В. Борхерта показал, что образ дома и мотив бесприютности организуют творчество писателя, являясь одним из важных аспектов его поэтики.

Заключение

В ходе исследования мы пришли к выводу о том, что образ дома является для коротких рассказов В. Борхерта одним из основных и реализуется через оппозицию его наличия – отсутствия, характеризуется имплицитно – как путь к дому или в никуда, в неопределенность. При наличии дом изображается как холодный (там либо гуляет сквозняк, либо пол покрыт холодным кафелем), причем автор пользуется приемом парцелляции, замещая понятие дома дверью, скрипучими ставнями, занавесками, дверной ручкой, связкой ключей. Дом чаще всего разрушен, и герой находится в пути, на вокзале, на берегу реки, на железнодорожных путях, на перроне, в кафе, в казарме, на пути к уничтоженному дому, который сам может нести смерть, поскольку в нем отсутствует духовная составляющая. Тем не менее родной город В. Борхерта, Гамбург, воспевается автором, несмотря на то, что он лежит в руинах, потому что это его родина, которую он любит. Топос дома выполняет функцию раскрытия образа героя, модели мира, сакрального места, хранителя воспоминаний, имянаречения, перевалочного пункта.

Рассмотренный в рассказах В. Борхерта мотив бесприютности тесно переплетается с мотивами одиночества и странничества и объясняется, прежде всего, социально-политическим аспектом, поскольку в результате войны были понесены тяжелые утраты – и родины, и жилища, и семьи. Однако даже при наличии дома герои В. Борхерта испытывают внутреннюю бесприютность: отсутствие любви, внутренней гармонии, чувства единения с семьей. Конфликты с близкими, духовная теологическая бездомность прослеживаются у В. Борхерта при исследовании образов и мотивов его произведений.

Среди изобразительно-выразительных средств при создании топоса дома и мотива бесприютности, помимо внутренней речи, повтора, подтекста, доминируют детали-символы, звукопись, приемы парцелляции и обезличивания, реже – метафоры и олицетворения. У В. Борхерта отсутствует насыщенность текстового пространства цветом. Обычно читатель сталкивается с антитезисным вариантом «свет/тьма». Каждый цвет связан с конкретным значением. Так, колоратив красного писатель сопрягает как с любовью и страстью, так и с опасностью, кровопролитием. Серый цвет символизирует утрату, ужас войны, печаль и создает мрачную реальность произведений. С этим цветом связаны образы сумерек, тьмы и разрушенного города, где все покрывает серая пыль.

В перспективе было бы интересно исследовать особенности функционирования других мотивов в произведениях В. Борхерта в их сопоставлении для выявления авторской картины мира.

Источники | References

1. Балакина Л. В. Символика цвета в коротких рассказах В. Борхерта // Русская филология: ученые записки Смоленского государственного университета. 2019. № 19.
2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: Высшая школа, 1940.

3. Глазунова А. А. Образная аналогия «женщина – дом» в малой прозе В. Борхерта // Художественное осмысление действительности в зарубежной литературе: материалы международной научной конференции / отв. ред. А. А. Стрельникова. М.: Московский государственный областной университет, 2019. Т. 2. № 9.
4. Калдаева Е. С. Проблема «коллективной вины и ответственности» немецкого народа в рассказе Вольфганга Борхерта «Вот – наш манифест» // Язык. Культура. Медиакоммуникация. 2021. Т. 1. № 2.
5. Кешокова Е. А. Новеллистика Вольфганга Борхерта // Актуальные проблемы преподавания филологических дисциплин: коллективная монография. М.: Московский государственный институт культуры, 2024.
6. Платицына Н. И. Человек и война в малой прозе Вольфганга Борхерта: монография. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2009.
7. Рымарь Н. Т. Проблема аутентичного слова: лирический язык прозы Вольфганга Борхерта // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. М.: Языки славянской культуры, 2004.
8. Силантьев И. В. Поэтика мотива / отв. ред. Е. К. Ромодановская. М.: Языки славянской культуры, 2004.
9. Фрадкин И. Вольфганг Борхерт. Рассказы / пер. с нем. М.: Изд-во иностр. лит. 1962.
10. Черненко И. Г. Символика цвета в художественном дискурсе (на материале короткой прозы Вольфганга Борхерта) // Известия Калининградского государственного технического университета. 2008. № 13.
11. Kraske B. "Der Worte spricht, die scharf wie Scherben...". Wolfgang Borchert – Vita – Werk – Wirkung // Jahresheft der Internationalen Wolfgang-Borchert-Gesellschaft e. V. zum 100. Geburtstag und 75. Todestag Wolfgang Borcherts. 2022. Heft 33/34.
12. Rühmkorf P. Wolfgang Borchert. Mit Selbstzeugnissen und Bilddokumenten. Reinbeck bei Hamburg, 1996.
13. Winter H.-G., Kraske B. "Horch hinein in den Tumult deiner Abgründe": Wolfgang Borchert – Werk und Aktualität // Jahresheft der Internationalen Wolfgang-Borchert-Gesellschaft e. V. zum 100. Geburtstag und 75. Todestag Wolfgang Borcherts. 2022. Heft 33/34.

Информация об авторах | Author information

RU

Анисимова Александра Наумовна¹, к. филол. н., доц.

Ефремова Юлия Ивановна², к. филол. н., доц.

¹ Московский городской педагогический университет (филиал), г. Самара

² Самарский государственный экономический университет

EN

Alexandra Naumovna Anisimova¹, PhD

Yulia Ivanovna Efremova², PhD

¹ Moscow City Pedagogical University (branch), Samara

² Samara State University of Economics

¹ 88763@mail.ru, ² yul-efrem@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 06.06.2025; опубликовано online (published online): 27.06.2025.

Ключевые слова (keywords): художественный мир рассказов В. Борхерта; топос дома; мотив бесприютности; прием парцелляции; детали-символы; artistic world of W. Borchert's stories; topos of home; motif of homelessness; technique of parcellation; symbol-details.